

Исторический вестник. 2023. Т. XLVI
DOI: 10.35549/HR.2023.2023.46.001

М.М. Якушев

СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОЙ ДИПЛОМАТИИ И РАЗВЕДКИ НА БОСФОРЕ В 1700–1720 гг.

В начале XVIII в. российско-османские отношения вышли на новый уровень. В 1699 г. в османскую столицу было направлено посольство думного дьяка¹ Е.И. Украинцева² и дьяка И.П. Чередеева, которых сопровождала эскадра из военных кораблей, причем от Таганрога до Керчи ее провожал русский царь Петр I, что придавало дипломатической миссии особую важность. Вместе с тем русские уполномоченные ехали не как послы, а как чрезвычайные посланники, поскольку статус миссии не соответствовал поставленным целям³.

¹ Думный дьяк — дворцовый чин; высокопоставленное должностное лицо, ведавшее делопроизводством в Боярской думе и важнейших органах управления (приказах). В структуре Боярской думы он был четвертым после других думных чинов: боярина, окольничего, думного дворянина.

² В 1689–1697 гг. Е.И. Украинцев возглавлял Посольский приказ — центральное правительственное учреждение, ведавшее отношениями с иностранными государствами.

³ Теплоу В.А. Русские представители в Царьграде, 1496–1891. СПб., 1891. С. 10; *Он же*. Представители европейских держав в прежнем Константинополе. СПб., 1890.

3/14 июля 1700 г. между Русским царством⁴ и Высокой Портой⁵ был подписан Константинопольский мирный договор, или соглашение о перемирии сроком на 30 лет, по которому османский султан Мустафа II (1695–1703 гг.) признал право московского двора на Азов с прилегающими землями Приазовья и вновь построенными крепостями. С российской стороны трактат подписали уполномоченные Е.И. Украинцев и И.П. Чередеев, с османской — великий визирь (садразам) Кепрюлю Амджазаде Хаджи Хюсейн-паша (1697–1702 гг.).

По Константинопольскому трактату 1700 г. Россия впервые получила право иметь в османской столице постоянного посланника, которому будут предоставлены все права и преимущества, дарованные эмиссарам других европейских держав «для творения и подвижения на данных делах, когда надобно будет резиденту царского величества у Блистательной Порты пожить» (13 статья)⁶.

Константинопольский мирный договор 1700 г. укрепил международный престиж русского правительства и позволил царю Петру I заявить о претензиях на ведущие роли в европейской политике.

Посольство Е.И. Украинцева сопровождали два толмача — Д. Петров (греческий, молдавский, валашский и турецкий языки) и П. Кучумов (турецкий и татарский языки), в последний момент заменивший переводчика турецкого и татарского языков С. Тонкачева⁷, а «во дворянах и для толмачевания турецкого языка» В.А. Даудова⁸. После окончания дипломатической миссии Е.И. Украинцева и И.П. Чередеева в Константинополе (Стамбуле) остались не имевшие дипломатического ранга переводчик С.Ф. Лаврецкий, который был назначен главой дипломатического представительства, подьячий⁹ Посольского приказа Г. Юдин и толмач Д. Петров, которым предписывалось быть послушными переводчику и «противности ни в чем никакой не чинить»¹⁰, причем срок их пребывания в османской столице зависел от прибытия чрезвычайного

⁴ Русское царство, Московское царство или Россия — наименование Русского государства с 1547 по 1721 г.

⁵ Высокая Порта или Блистательная Порта — принятое в истории дипломатии и международных отношений наименование правительства Османской империи.

⁶ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб., 1804. Т. IV. С. 71–72.

⁷ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. «Сношения России с Турцией». Оп. 89/1. 1699. Д. 4. Л. 5; Там же. Кн. 27. Л. 5.

⁸ Там же. Кн. 27. Л. 4 об.; 1699. Д. 4. Л. 24, 92.

⁹ Подьячий — дворцовый чин; помощник дьяка.

¹⁰ РГАДА. Ф. «Сношения России с Турцией». Оп. 89/1. Кн. 27.

(великого) посла с ратификацией мирного договора, а после вручения им ратификации султану, получения ответной грамоты и отпускнутой аудиенции у падишаха переводчику и подьячему следовало покинуть Константинополь. Вскоре на смену тяжело заболевшему, «впавшему в немощь» и вскоре умершему Г. Юдину¹¹ в османскую столицу был направлен подьячий Посольского приказа М.Р. Ларионов¹² в сопровождении толмача А. Постригичева (турецкий и итальянский языки). Позднее М.Р. Ларионов и С.Ф. Лаврецкий стали вместе управлять дипломатической миссией в Константинополе до приезда чрезвычайного посла.

В начале 1701 г. комнатный стольник¹³ князь Д.М. Голицын (1701–1702 гг.) был командирован в османскую столицу в качестве чрезвычайного и полномочного посла «с подтвердительной от государя грамотой на договор»¹⁴. В посольство Д.М. Голицына включили двух толмачей: К.П. Турченинова (турецкий и татарский языки) и И.И. Волошенина (греческий и молдавский языки)¹⁵, а также переводчика турецкого С. Максимова, присоединившегося к ним на пути в Адрианополь.

В начале XVIII в. Россия впервые в истории османско-российских отношений получила возможность учредить постоянное дипломатическое представительство при османском правительстве.

В конце 1701 г. в Османскую империю в качестве чрезвычайного и полномочного посланника был направлен стольник П.А. Толстой (1701–1714 гг.) «для своих великого государя государственных дел»¹⁶. П.А. Толстой стал первым постоянным русским посланником при османском правительстве. Вместе с тем, согласно полномочной грамоте, его главной задачей являлось поддержание мирных и дружественных отношений между двумя державами. В начале 1702 г. П.А. Толстой церемониально въехал в Адрианополь (Эдирне), где располагалась резиденция султана Мустафы II, а в конце 1703 г. после янычарского бунта и восшествия на престол Ахмеда III (1703–1730 гг.) русский посол торжественно переехал в Константинополь вместе со своей свитой.

¹¹ Там же. 1700. Д. 2. Л. 4.

¹² Там же. Д. 4. Л. 3.

¹³ Стольник (ближний, комнатный) — дворцовый чин, затем придворный чин; высокопоставленное должностное лицо из ближайшего окружения государей, цариц и патриархов. По росписи чинов начала XVIII в. среди чинов стольник стоял на пятом месте после думного дьяка.

¹⁴ Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке // Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 2. М., 1881. С. 22–27.

¹⁵ РГАДА. Ф. «Сношения России с Турцией». Оп. 89/1. 1701. Д. 5. Л. 375.

¹⁶ Там же. Л. 1.

Российский посланник в Османской империи П.А. Толстой.
Художник Иоганн Готфрид Таннауэр

Дипломатические отношения с Османской империей во многом зависели от переводческой подготовки штатных и внештатных сотрудников российской дипломатической миссии в Константинополе. Переговоры русских дипломатических представителей с Высокой Портой, как правило, велись на итальянском языке через перевод, так как итальянский являлся языком международного дипломатического общения в Константинополе. Кроме того, все тексты русско-османских трактатов имели копии на итальянском языке. Функциональные обязанности переводчиков и толмачей, служивших в Константинополе, во многом совпадали. Основное различие состояло в том, что переводчики имели право переводить письменные документы, а толмачи — устную речь. Переводчиков для русских послов при османском дворе выбирали из владевших греческим, итальянским или латынью, т.е. языками, на которых велись переговоры с Портой. Толмачи на разговорном уровне знали языки народов, живших на территории Османской империи: греческий, турецкий, арабский, татарский, молдавский, валахский. Роль драгоманов в османской столице не ограничивалась устным или письменным переводом с иностранных языков или работой с зашифрованными документами. Российские дипломаты направляли их с поручениями к великому визирю, реис-эфенди¹⁷, кяхья-бею¹⁸ и другим

¹⁷ Реис-эфенди — министр иностранных дел Порты.

¹⁸ Кяхья-бей — министр внутренних дел Порты.

османским сановникам, чтобы передать информацию, договориться о церемониальном визите, публичной аудиенции или вручить протокольные подарки. Дворян и переводчиков также направляли в Перу¹⁹ к европейским дипломатам с различными поручениями и на переговоры с османскими сановниками, на встречи с секретными агентами и информаторами русского правительства, а также посещали «для проведывания» султанский и визирский дворы. Толмачам подобные служебные задания давали значительно реже. Помимо переводчиков со знанием итальянского языка российскому правительству требовались переводчики со знанием греческого языка для поддержания контактов с представителями греческой общины, Иерусалимского и Константинопольского патриархатов и семьей греков-фанариотов Маврокордато, служивших великими драгоманами Порты и имевших значительное влияние в османской столице.

Следует заметить, что появление П.А. Толстого на берегах Босфора вызвало неприятное удивление, как в османских правительственных кругах, так и в европейском дипломатическом корпусе, так как иностранные послы недоумевали, для чего московскому двору понадобился постоянный дипломатический представитель при незначительном числе российских подданных во владениях султана и при ничтожности торгового оборота России с Османской империей. По словам П.А. Толстого, «не только пред цесарским (австрийским. — М.Я.) и французским, но и пред иными послами и житие мое у них зело им не любо»²⁰. П.А. Толстой отметил, что «роль представителей иностранных держав в прежнем Константинополе была, за редким исключением, крайне тяжела и зачастую полна унижений всякого рода: ссорясь друг с другом, стремясь всеми возможными способами подорвать в глазах Порты прочих своих сотоварищей, они сами роняли себя во мнении турок, которые не стеснялись общаться с ними самым унижительным способом, а иноземные послы терпеливо выносили даже побои, за которые им же приходилось еще откупаться, зная очень хорошо, что в большинстве случаев их собственные правительства отступятся от них из-за выгод торговых или политических и не отомстят за нанесенные оскорбления»²¹.

¹⁹ Пера — историческое (греческое) название района Константинополя, где проживали европейцы и располагались европейские посольства.

²⁰ Тепло В.А. Русские представители в Царьграде, 1496–1891. С. 12.

²¹ Там же. С. 12–13.

Вид Константинополя. Гравюра XIX в.

Вместе с П.А. Толстым в Османскую империю были направлены дворяне посольства И.П. Толстой (старший сын посла) и В.И. Блеклый, подьячий Посольского приказа И.В. Небогатов, переводчик латинского, греческого и итальянских языков М. Арсеньев, а также два толмача: К.И. Македонский (турецкий и татарский языки) и И.И. Волошенин (греческий и валашский языки)²², прослужившие в Константинополе свыше десяти лет. В середине 1702 г. М. Арсеньев заболел и П.А. Толстой написал главе Посольского приказа Ф.А. Головину (1700–1706 гг.), что переводчик «зело болезнует, и вскорости ему оздороветь» не представляется возможным, причем в дальнейшем упомянутый переводчик неоднократно жаловался на различные болезни и состояние здоровья: «терпел долговременные скорби, и болезни, и очную слепоту тяжкою»²³. В конце 1703 г. к П.А. Толстому с грамотами и письмами и «для переводу с греческого на словенский» прибыл Ф. Константинов²⁴. В 1708 г. в Константинополь был направлен переводчик латинского и греческого языков А. Почайнов²⁵, в 1710 г. — переводчик итальянского и греческого языков В. Курдевский²⁶, переводчик греческого языка И. Гречанинов²⁷

²² РГАДА. Ф. «Сношения России с Турцией». Оп. 89/1. 1702. Д. 1. Л. 1–2.

²³ Там же. 1706. Д. 3. Л. 403 об.

²⁴ Там же. 1703. Д. 3. Л. 495 об.

²⁵ Там же. 1709. Д. 1. Л. 37–37 об.

²⁶ Там же. 1711. Д. 7. Л. 264 об.

²⁷ Там же. 1713. Д. 25. Л. 1–2.

и переводчик латинского и греческого языков П. Сафонов²⁸, в 1711 г. — переводчик греческого и латинского языков А. Ботвинкин, переводчик немецкого языка С. Волков и переводчик турецкого и греческого языков А. Васильев «для переводу турецких и греческих писем»²⁹.

Российское правительство нуждалось в более точных и объективных сведениях, которые возможно было собрать лишь при наличии сети своих информаторов, корреспондентов и тайных агентов на Босфоре, называемых «секретными осведомителями», «особыми осведомителями» или «тайными приятелями». Важную роль в контактах между российским дипломатическим представительством и османским правительством играли посольские секретари и переводчики, например, штатные сотрудники европейских дипломатических представительств в Константинополе.

В начале XVIII в. сбором информации секретного и конфиденциального характера для русского правительства занимались сотрудники российской дипломатической миссии из числа на месте принятых иностранцев, некоторые из которых переходили на русскую службу или тайно работали на российское правительство.

Для решения проблемы нехватки переводчиков иностранных языков П.А. Толстой привлек на русскую службу иностранцев. В делопроизводственных документах Посольского приказа встречаются имена И. Суда и П. Ратка.

П.А. Толстой обратил внимание, что в иностранных посольствах были переводчики с турецкого языка. При переводе текста на старосманском (турецком) языке П.А. Толстому приходилось прибегать к услугам посредников, которым не всегда можно было полностью доверять, а тем более дать им переводить секретную информацию. В этой связи остро встал вопрос поиска переводчика турецкого языка или языкового обучения сотрудников российской дипломатической миссии.

Одним из первых переводчиков, привлечших внимание русского посла, был Н. Барка³⁰, племянник консула Рагузинской республики Л. Барки-старшего (ум. 1708 г.) и родной брат рагузинского консула

²⁸ Там же. 1719. Д. 6.

²⁹ Базарова Т.А. Русские дипломаты при османском дворе. Статейные списки П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. СПб., 2016. С. 238.

³⁰ В дипломатической корреспонденции рагузинца Н. Барку называли «Кирьяковым» или «Чернышевым», чтобы «прозвища его не признали» и «не прознали про его родство» с Л. Баркой, так как «родственники его с тем же прозвищем живут в Царьграде» / РГАДА. Ф. «Сношения России с Турцией». Оп. 89/1. 1711. Д. 7а. Л. 5.

Российский посол в Османской империи П.П. Шафиров.
Неизвестный художник по оригиналу нач. XVIII в.

и переводчика английского посольства Л. Барки-младшего³¹. Н. Барка перешел на русскую дипломатическую службу в 1706 г. П.А. Толстой отмечал, что Н. Барка «изрядно знает язык турецкой, и писать и читать может по-турецки изрядно, к тому же знает язык латинской, греческой и по-словенски знает немного»³². Н. Барка занимался пересылкой посланий в Порту и писем через своего брата английского переводчика Л. Барку и рассматривался как потенциальный резидент при османском дворе после отъезда русских эмиссаров, однако в 1712 г. он скончался.

В 1709 г. на дипломатической службе появился Г. Теста, которого П.А. Толстой «перезвал от посла голландского». П.А. Толстой писал, что Г. Теста — «человек умный и в языках искусный», «в своем деле достойный, знает языки турецкой, итальянской и греческой изрядно и может служить здесь по достоинству»³³. Г. Теста занимался пересылкой писем через своего брата, венецианского переводчика Ф. Теста³⁴. Г. Теста, сидевший в заточении в Семибашенном замке Константинополя вместе с П.А. Толстым, П.П. Шафировым и М.Б. Шереметевым, рассматривался как потенциальный корреспондент при османском

³¹ В дипломатической переписке рагузинца Л. Барку называли «Макарием».

³² РГАДА. Ф. «Сношения России с Турцией». Оп. 89/1. 1706. Д. 3. Л. 287–288.

³³ Там же. 1709. Д. 1. Л. 509.

³⁴ Архив Санкт-Петербургского института истории (СПБИИ) РАН. Ф. 83. «Походная канцелярия А.Д. Меншикова». Оп. 3. Кн. 1. Л. 21 об.

дворе после их отъезда. По мнению П.П. Шафирова, упомянутому переводчику «одному здесь остаться... невозможно, ибо здешний подданный и уроженец»³⁵. Вскоре Г. Теста не выдержал напряженности враждебной обстановки, которая сопровождалась угрозами нового тюремного заключения, и в 1713 г. «за болезнь, а паче от страха» попросил отставки от службы³⁶.

Параллельно с Г. Теста в Константинополе служил еще один переводчик, рагузинец Ф. Беневени³⁷, «принятый на русскую службу» П.А. Толстым в 1708 г., разделивший с ним два тюремных заключения в Семибашенном замке и рекомендованный П.П. Шафирову. Ф. Беневени служил переводчиком «в тамошних делах со всякою верностью и радением, не щадя живота своего в опасных случаях»³⁸. Первоначально он был привлечен как переводчик итальянского языка, персидского и татарского языков, позже он освоил османский язык³⁹.

Российскому дипломатическому представительству в Константинополе информацию предоставляли переводчик голландского посольства В. Тейлс, переводчик английского посольства П. Бьянка, переводчик французского посольства Д. Форнет, секретарь шведского посольства Т. Функа и секретарь голландского посольства Ж.Б. Савар⁴⁰.

Основными поставщиками секретной информации и агентурных сведений русскому правительству были посол Нидерландов в Константинополе Я. Колиер, а также влиятельные представители царьградского духовенства: Иерусалимские патриархи Досифей II (1669–1707 гг.) и Хрисанф (1707–1731 гг.)⁴¹, папский нунций архиепископ К. Галани. Многих осведомителей к русской службе привлек П.А. Толстой⁴². В. Тейлс и К. Галани помимо рекомендаций и ценных советов могли оказать помощь в доставке к царскому двору зашифрованных посланий. Вместе

³⁵ Там же. Л. 21 об.

³⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. «Походная канцелярия А.Д. Меншикова». Оп. 3. Кн. 1. Л. 21 об.; РГАДА. Ф. «Сношения России с Турцией». Оп. 89/1. 1711. Д. 7а. Л. 154.

³⁷ В дипломатической переписке рагузинца Ф. Беневени называли «Флорием Лазаревым».

³⁸ Посланник Петра I на Востоке: Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах. М., 1986. С. 12.

³⁹ РГАДА. Ф. «Дела о Посольском приказе и служивших в нем». Оп. 138/1. Д. 45. Л. 5.

⁴⁰ В дипломатической корреспонденции француза Ж.Б. Савара называли «Ионой» или «Серафимом».

⁴¹ РГАДА. Ф. «Сношения России с Турцией». Оп. 89/1. 1707. Д. 3. Л. 89 об., 157 об.

⁴² Артамонов В.А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714 гг.). М., 1990. С. 137.

Российский посол в Османской империи М.Б. Шереметев. *Неизвестный художник*

с тем в секретной инструкции майору И. Натали рекомендовалось на английского посла сэра Р. Саттона «вовсе не надеяться» и осторожно обходиться с его переводчиком Л. Баркой, так как у российского внешнеполитического ведомства не было уверенности, что действия англичан при Порте будут полезны российским интересам.

За услуги секретным агентам, работавшим на российское правительство, полагались крупные «денежные дачи»: голландскому послу Я. Кольеру и великому драгоману Порты И. Маврокордато (1709–1717 гг.) «по 1000 венецианских золотых червонцев», В. Тейлсу — на издержки его во время пребывания в компании султана в 1715 г., куда он «для престоережения интересов его царского величества ездил», и на другие его чрезвычайные расходы — «пятьсот червонных золотых»⁴³.

Кроме дипломатических целей, перед русским послом ставились задачи разведывательного характера. Первыми информаторами П.А. Толстого были православные греки, затем ему удалось склонить к сотрудничеству переводчиков и секретарей европейских посольств в Константинополе. Он создал и постепенно увеличивал круг лиц из османских сановников, которые были готовы предоставлять важную информацию русскому правительству за денежное вознаграждение. П.А. Толстой

⁴³ Базарова Т.А. Две поездки майора Иеронима Натали в Стамбул: дипломатические контакты России с Османской империей в 1715–1718 гг. // Вестник Волгоградского университета. Серия 4. 2019. Т. 24. № 1. С. 88.

установил связи с английским послом Р. Саттона (1702–1716 гг.) и голландским послом Я. Колиером (1694–1725 гг.), а также великим драгоманом Порты А. Маврокордато (1673–1709 гг.), которые давали ценные советы и делились полезной информацией. П.А. Толстой должен был иметь тайную корреспонденцию с молдавским князем Д. Кантемиром.

П.А. Толстому пришлось противостоять французскому послу Ш. Ферриолю (1699–1711 гг.), пользовавшемуся авторитетом среди коллег по дипломатическому корпусу и обладавшему значительным влиянием на высокопоставленных османских чиновников. Однако общение с большинством европейских послов, аккредитованных в Константинополе, проходило в атмосфере недоверия и подозрения.

После смерти султана Мустафы и по восшествии на трон его брата Ахмета тогдашний садразам Чорлулу Дамат Али-паша (1706–1710 гг.) на встрече с русским послом П.А. Толстым заявил, чтобы «от его царского величества прежний, с братом настоящего султана учиненный 30-летний мир вновь подтвержден был», который был возобновлен 3/13 января 1710 г.⁴⁴ В ноябре 1710 г. султан Ахмед III объявил войну России, обвинив ее в строительстве крепостей на территории Османской империи и присутствии русских войск в Польше.

Фактически Константинопольский трактат действовал до неудачного для России Прутского похода Петра I в 1711 г., окончившегося заключением Прутского мирного договора (12/23 июля 1711 г.), по которому русское правительство вынуждено было согласиться вернуть османскому правительству Азов с прилегающей близлежащей территорией, уничтожить вновь отстроенные укрепления, крепости и города, в том числе Таганрог, не вмешиваться во внутреннюю политику Польши и ограничиться сухопутной торговлей с Портой⁴⁵. Россия также потеряла право иметь постоянного дипломатического представителя в Константинополе.

В конце 1711 г. османский падишах Ахмед III предъявил российскому правительству требования, в случае невыполнения которых угрожал продолжить боевые действия. В апреле 1712 г. в османской столице был подписан договор о возобновлении и подтверждении условий Прутского трактата при посредничестве английского и голландского послов в Константинополе⁴⁶. Однако политическая ситуация вскоре измени-

⁴⁴ ПСЗРИ. Т. IV. С. 468–469.

⁴⁵ Там же. С. 715–716.

⁴⁶ Там же. С. 824–829.

Осада крепости Азов. Гравюра Адриана Шхонебека. 1696 г.

лась и английское правительство решило убедить Порту начать войну против русского правительства. В ноябре 1712 г. по наущению шведского короля Карла XII падишах Ахмед III объявил войну России, однако военные действия так и не начались. 13/24 июня 1713 г. был подписан Адрианопольский мирный договор сроком на 25 лет, повторявший условия Прутского трактата, по которому российское правительство должно было вернуть Порте Азов с примыкающей к нему территорией и срыть другие крепости на Азовском море. По Адрианопольскому договору 1713 г. Россия вновь лишилась права иметь постоянного дипломатического представителя в Константинополе.

В течение нескольких лет дипломатические контакты между Портой и российским правительством осуществлялись через командирование эмиссаров с дипломатическими поручениями «без характера» (вручения кредитивных грамот). В 1712 г. в Константинополь в качестве чрезвычайного посла с ратификационной грамотой на мирный трактат был отправлен стольник А.Ф. Лопухин⁴⁷. Его сопровождал переводчик турецкого и татарского языков М. Тевкелев, который «по-турски и по-арабски умеет изрядно говорить и переводит»⁴⁸, а «ради письма,

⁴⁷ Базарова Т.А. Статейные списки русских послов при Высокой Порте 1711–1714 гг.: история создания и перспективы изучения // Вспомогательные исторические дисциплины. 2014. Т. 34. С. 78–93.

⁴⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. «Походная канцелярия А.Д. Меншикова». Оп. 3. Кн. 8. Л. 231.

также и толмачества турецкого языка велено при нем, стольнике, быть Посольской канцелярии подьячему И.В. Небогатову⁴⁹. В 1713 г. в османскую столицу в качестве чрезвычайного посла с ратификацией на мирный трактат был направлен ближний стольник Д.А. Бестужев-Рюмин. В состав посольства вошел толмач турецкого и татарского языков К.М. Нагаев⁵⁰. Российское правительство надеялось, что Порта разрешит оставить в османской столице если не посла, то хотя бы резидента или посольского секретаря. В 1714 г. секретарем миссии был назначен дьяк А.Т. Протопопов, прибывший с подьячим Г. Ивановым (итальянский и латинский языки)⁵¹, сменившим подьячего Б. Меншова, однако, ввиду того что Порта отказалась его принять, А.Т. Протопопов был вынужден в том же году покинуть Константинополь вместе с чрезвычайными и полномочными послами П.П. Шафировым (1711–1714 гг.) и М.Б. Шереметевым (1711–1714 гг.).

В 1715 и 1718 гг. подполковник И.М. Натали⁵² был дважды направлен в Константинополь в качестве чрезвычайного посланника⁵³ «без характера» с царскими грамотами⁵⁴. Его сопровождал толмач турецкого языка К. Дмитриев. В начале пребывания в Константинополе И. Натали османские власти всячески его притесняли и ограничивали передвижение по городу, в частности у его дома был поставлен «отряд янычар из восемнадцати человек и трех чаушей»⁵⁵, внезапно его «секвестировали» в собственном доме, чтобы он «не мог ни с кем иметь коммуникации», а причина подобного «утеснения» была в том, чтобы он «усматривать не мог турецких поступок, имея оные великое подозрение» в его приезде, а принимали его так, как «будто бы царское величество открытый был неприятель Порты»⁵⁶. Однако после получе-

⁴⁹ Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия. Материалы Международной научной конференции. Москва, 29–30 сентября 2021 г. Вып. 2; Т.А. Базарова. Толмачи русских дипломатов в Стамбуле в первой четверти XVIII в. С. 17.

⁵⁰ РГАДА. Ф. «Сношения России с Турцией». Оп. 89/1. 1713. Д. 15. Л. 19.

⁵¹ Там же. 1714. Д. 8. Л. 173.

⁵² Там же. Ф. «Приказные дела новых лет». Оп. 2. 1716 г. Д. 27; Оп. 2. 1718 г. Д. 58.

⁵³ Базарова Т.А. Две поездки майора Иеронима Натали в Стамбул... С. 84–97.

⁵⁴ В 1709 и 1712 гг. рагузинец майор И. Натали, поступивший на русскую службу, был дважды командирован в Константинополь: сначала для передачи царских грамот П.А. Толстому, затем — для доставки царских грамот послам П.П. Шафирову и М.Б. Шереметеву / РГАДА. Ф. «Приказные дела новых лет». Оп. 2. 1716 г. Д. 27; Оп. 2. 1718 г. Д. 58.

⁵⁵ Чауши (чабуши) — приставы или посыльные.

⁵⁶ Базарова Т.А. Две поездки майора Иеронима Натали в Стамбул... С. 89.

Азовская икона Пресвятой Богородицы

ния дорогостоящих мехов «стоявшие на карауле чауши» стали более благосклонны, «свободно и невозбранно тайным образом» выпускали его приближенных «для известных корреспонденций»⁵⁷. Примечательно, что его родной брат М.М. Натали также находился на русской службе в чине поручика.

В 1718 г. османский эмиссар Мустафа-ага приехал к царю Петру I с предложением, чтобы чрезвычайный посланник России принял участие в качестве посредника на мирных переговорах Порты с Австрией и Венецией во время Пассаровицкогo конгресса, завершившего четырехлетнюю войну (1714–1718 гг.). В ответной грамоте султану Ахмеду III Петр I сообщил, что русским представителем на переговорах будет капитан лейб-гвардии И. Горохов, которому были даны инструкция и полномочия «не токмо на оном конгрессе для медиации присутствовать, но при дворе Вашего Величества ради предостережения интересов наших и общего блага пребывать»⁵⁸. Позже И. Горохов должен был проследовать в Константинополь, однако по дороге в османскую столицу он тяжело заболел и так и не добрался до места назначения.

Одной из важнейших задач российского правительства было укрепление дипломатического присутствия России в Османской империи. В османской столице должен был находиться дипломатический пред-

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ РГАДА. Ф. «Приказные дела новых лет». Оп. 2. 1718 г. Д. 110.

ставитель, который бы защищал интересы российских подданных и содействовал сохранению мира с Высокой Портой.

В 1718 г. в Константинополь в качестве чрезвычайного и полномочного посланника был направлен стольник А.И. Дашков (1718–1721 гг.). В полномочной грамоте указывалось, что его главной задачей являлось сохранение мирных и дружественных отношений между двумя государствами, «засвидетельствование истинной дружбы» и «обнадеживание твердого и нерушимого содержания» трактатов. В состав посольства вошли подьячие Посольского приказа И.В. Небогатов, Д. Васильев и Ф. Сеньюков, а также толмач турецкого языка К. Дмитриев. В 1720 г. на службу был принят переводчик-рагузинец А. Магрини.

В инструкции, выданной А.И. Дашкову, ему предписывалось «при дворе Его Салтанова Величества пребывать тамо впредь до Его Царского Величества указа, ввиду отсутствия при Порте российского министра»⁵⁹.

А.И. Дашкову были даны «секретные статьи», в которых большое внимание было уделено получению информации через «известных приятелей» — переводчика голландского посольства В. Тейлса и голландского посла при османском дворе Я. Колиера. А.И. Дашков должен был иметь тайную корреспонденцию с трансильванским князем Ф. Ракоци, секретную информацию получать от архиепископа К. Галани, но не сообщать представителю Святого Престола о секретных делах.

Во время приема А.И. Дашкова у садразама Невшехирли Ибрагим-паши (1718–1730 гг.) великий визирь выступил с инициативой незамедлительно утвердить и закрепить «вечный мир» между Россией и Портой. По словам садразама, падишах Ахмед III поручил ему передать А.И. Дашкову, чтобы Петр I без промедления наделил его полномочиями для подписания «вечного мира»⁶⁰. Французский посол при османском дворе Жан-Луи Д'Юссон, маркиз де Боннак (1716–1724 гг.) из-за серьезных разногласий между Францией и Австрией способствовал укреплению мирных связей между Османской империей и Россией, в то время как австрийский и английский послы в Константинополе интриговали против русского правительства и пытались испортить его отношения с Портой⁶¹.

⁵⁹ Никифоров Л.А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959. С. 260.

⁶⁰ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. «Сношения России с Турцией». Оп. 89/8. 1720 г. Д. 4. Л. 20–24.

⁶¹ Никифоров Л.А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. С. 286.

На совещании российского правительства было решено наградить французского посла маркиза де Боннака⁶². Петр I писал канцлеру Г.И. Головкину (1709–1734 гг.), «в решение на доклад о турецких делах», чтобы А.И. Дашков при подписании трактата с Османской империей «старался бы прежде всего вечный мир заключить»⁶³.

Согласно 9-й статье, одной из главных целей было нахождение при османском правительстве русского посланника или резидента «для содержания постоянной дружбы и верной корреспонденции и пересылки»⁶⁴. В случае несогласия османского правительства включить в текст трактата пункт о пребывании в Константинополе русского резидента или посланника А.И. Дашкову предписывалось добиться дозволения иметь там хотя бы секретаря или консула, чтобы постоянный русский представитель был аккредитован при Порте, соглашаясь даже на то, чтобы он жил за свой собственный счет, не получая денежного пособия, которое предназначалось иностранным эмиссарам, пребывавшим в османской столице.

5/16 ноября 1720 г. Россия подписала с Османской империей Константинопольский трактат «вечного мира», условия которого для русского правительства были лучше, чем условия Прутского (1711 г.) и Адрианопольского (1713 г.) договоров. С российской стороны трактат подписал уполномоченный А.И. Дашков, с османской — садразам Невшехирли Ибрагим-паша. По условиям Константинопольского мирного договора 1720 г. стороны обязались не строить укрепления на территории в районе Азова, а также в Поднепровье.

По Константинопольскому мирному договору 1720 г. Россия вновь получала право иметь дипломатического представителя в османской столице наравне с другими европейскими государствами (12-я статья).

Таким образом, в 1700–1720 гг., несмотря на чинимые Портой и европейскими дипломатами трудности, Россия осуществляла в османской столице активную дипломатическую и разведывательную деятельность, которой занимались не только русские чрезвычайные послы и посланники, но и дьяки и подьячие Посольского приказа, а также секретари, переводчики и толмачи русской дипломатической миссии в Константинополе. Кроме того, разведывательной деятельностью занимались

⁶² АВПРИ. Ф. «Сношения России с Турцией». Оп. 89/8. 1720 г. Д. 1. Л. 3–5 об.

⁶³ Там же. Ф. «Внутренние коллежские дела» («ВКД»). Оп. 2/7. 1720 г. Д. 1. Л. 123.

⁶⁴ Там же. Ф. «Сношения России с Турцией». Оп. 89/8. 1720 г. Д. 2. Л. 33–34.

также представители иностранных духовных и дипломатических представительств в османской столице, предоставлявшие российскому правительству секретные агентурные сведения о внутренней и внешней политике Османской империи. Пополнение штата русской дипломатической миссии в Константинополе шло путем командирования туда как специалистов из Москвы и Санкт-Петербурга, так и за счет приема на службу иностранных драгоманов и секретарей.

В начале XVIII в. российско-османские дипломатические отношения активизировались и потребовали подготовки специалистов со знанием европейских и восточных языков. Интенсификация двусторонних связей во многом стала результатом подписания Константинопольского трактата 1700 г. и Константинопольского трактата 1720 г.

По итогам заключения упомянутых мирных договоров и благодаря победам на полях сражений Россия закладывала основы дипломатического присутствия на Босфоре, укрепляя политическое влияние в Черноморском регионе и усиливая свои позиции на международной арене. Тайное изучение и дипломатическое разведывание Османской империи шло в рамках развития внешнеполитической деятельности России на восточном направлении.

REFERENCES

1. *Artamonov V.A.* Russia and Polish–Lithuanian Commonwealth after the Poltava victory. 1709–1714 [Rossiya i Rech Pospolitaya posle Poltavskoy pobedy. 1709–1714 gg.]. Moscow, 1990 (in Russian).
2. *Bazarova T.A.* Russian diplomats to the Ottoman court: Stateynye spiski (Reports of ambassadors) of P.P. Shafirov and M.B. Sheremetev in 1711 and 1712. Research and documents [Russkie diplomaty pri osmanskom dvore: Stateynye spiski Petra Shafirova and Mikhaila Sheremeteva v 1711 i 1712 gg. Issledovaniya i teksty]. St. Petersburg, 2016 (in Russian).
3. *Bazarova T.A.* Stateynye spiski (Reports of ambassadors) of Russian ambassadors at the Sublime Porte of 1711–1714: History of creation and prospects of study [Stateynye spiski russkikh poslov pri Vysokoy Porte v 1711–1714 gg.: Istoriya sozdaniya i perspektivy izucheniya] // Auxiliary historical disciplines [Vspomogatel'nie istoricheskie distsipliny]. St. Petersburg, 2014. Vol. 34. pp. 78–93 (in Russian).
4. *Bazarova T.A.* Two missions of major Hieronimus Natalie to Istanbul: Diplomatic contacts between Russia and the Ottoman empire in 1715–1718 [Dve poezdki mayora Ieronima Natali v Stambul: Diplomaticheskie kontakty Rossii s Osmanskoj imperiej v 1715–1718 gg.] // Volgograd university newsletter [Vestnik Volgogradskogo universiteta]. Sect. 4. Volgograd, 2019. Vol. 24. № 1. pp. 84–97 (in Russian).
5. *Krylova T.K.* Russian diplomacy on Bosphorus at the beginning of the 18th century (1700–1709) [Russkaya diplomatiya na Bosfore v nachale XVIII v. (1700–1709 gg.)] // Historical notes [Istoricheskie zapiski]. 1959. Vol. 65. pp. 249–277 (in Russian).
6. *Krylova T.K.* Russian–Turkish relations during the Great Northern War [Russko-Turetskie otnosheniya vo vremya Severnoy voyny] // Historical notes [Istoricheskie zapiski]. 1941. Vol. 10. pp. 250–279 (in Russian).
7. *Nikiforov L.A.* Russian foreign policy in the recent years of the Great Northern War. The Peace Treaty of Nyshtadt [Vneshnyaya politika Rossii v poslednie gody Severnoy voyny. Nishtadtskiy mir]. Moscow, 1959 (in Russian).

8. *Теплов* V.A. Representatives of the European powers in the former Constantinople [Представители европейских держав в прежнем Константинополе]. St. Petersburg, 1890 (in Russian).
9. *Теплов* V.A. Russian representatives in Constantinople. 1496–1891 [Русские представители в Цар’граде. 1496–1891 гг.]. St. Petersburg, 1891 (in Russian).

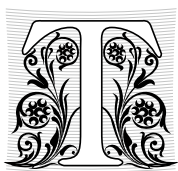

Ключевые слова:

Россия, Высокая Порты, Константинопольский мирный договор 1700 г., Константинопольский мирный договор 1720 г., Д.А. Голицын, П.А. Толстой, А.И. Дашков, дипломатия и разведка.

Mikhail M. Yakushev

ESTABLISHMENT OF RUSSIAN DIPLOMATIC PRESENCE AND RUSSIAN MILITARY INTELLIGENCE IN CONSTANTINOPLE IN 1700–1720

The paper is devoted to the development of Russian diplomatic presence and the establishment of Russian military intelligence in Constantinople within Russian diplomatic relations with the Ottoman Empire from the signing of the Peace Treaty of Constantinople of 1700, when Russia obtained the right to have a permanent diplomatic representative in the Ottoman capital, to the signing of the Peace Treaty of Constantinople of 1720, when Russia returned this right and began to strengthen its political positions in the international relations.

Key words: Russia, Sublime Porte, the Peace Treaty of Constantinople (1700), the Peace Treaty of Constantinople (1720), Dmitrij Golitsin, Piotr Tolstoj, Alexej Dashkov, diplomacy, intelligence.

Mikhail M. Yakushev — Ph.D. in History, First Secretary of Historical and Documentary Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

 Якушев Михаил Михайлович

кандидат исторических наук,
первый секретарь Историко-документального департамента
Министерства иностранных дел Российской Федерации